

Мифологическое начало в повести удмуртского прозаика Никвлада Самсонова «Рок»*

В удмуртской литературе Никвлад Самсонов (В. Я. Самсонов, 1946–2002) представляет поколение писателей, пришедших на смену «шестидесятникам». Не подвергая сомнению вопрос о связи национальной литературы с жизнью, Самсонов ищет новые пути для передачи взаимоотношений «мира и человека». В понятия «реальность», «жизнь» он вкладывает свое понимание их художественного воспроизведения. Особенности изображения им жизни и человека связаны с созданием модели мира с опорой на национально-мифологическую традицию.

Исследователи литературы народов России говорят о том, что особенностью современной национальной прозы является широкий диапазон ее жанровых модификаций: роман-притча, роман-миф, повесть-мистерия, рассказ-миф и др., «что обусловлено реактуализацией онтологии и поэтики мифа» [2, с. 85]. В удмуртской литературе, как правило, мифологичность проявляется не в создании новых синкретических жанров, но в качестве приема, позволяющего дополнить выведенные в художественном произведении те или иные ситуации, коллизии, обстоятельства прямыми или контрастными параллелями из фольклора. Особо часто наши писатели используют образы-символы, намекающие на мифологическое истолкование изображаемого, сильно их желание наделить свое произведение художественными особенностями древних фольклорных текстов. Таким образом, мифологический пласт обнаруживает себя в произведениях удмуртских авторов в своеобразном синтезе с фольклорными структурами и построениями.

Проблема литературно-фольклорных связей в современной удмуртской литературе может быть рассмотрена на примере анализа повести Никвлада Самсонова «Рок». Эта повесть стала для писателя своего рода итоговой, ее поэтика вобрала в себя разные уровни его мировоззренческих, мотиво-тематических, эстетических аспектов творчества. В начале

* Работа выполнена в рамках интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литератур в общероссийском социокультурном контексте XIX — первой трети XX в.».

1990-х гг. Самсонов переживает разлад с миром. Со свойственной ему внутренней потребностью в красоте и справедливости, вобравшей в себя романтические идеалы «шестидесятников», он остро ощущает нарастающую дисгармонию смены эпох, ищет для себя духовного «убежища», уезжает в деревню, где начинается поиск истины, веры, Бога. Писатель углубляется в напряженные раздумья о будущем своего народа, человеческих пороках, противоборстве смерти и жизни.

Повесть «Рок» посвящена проблеме наказания человека, перечеркнувшего законы совести и заглушившего в себе нравственные законы предков. Герой повести — палач, бывший сотрудник КГБ, старик Оберьян (Аверьян), оказывается перед финальным подведением итогов своей жизни. Однако мир мертвых отторгает Оберьяна, земля-матушка не желает принимать грехов этого страшного бесчестного человека. «А тебе вот, Аверьянушка, со своей смертью не встренуться...», — было сказано душегубу [3, с. 221]. С неотвязной кошмарной ясностью возникают перед ним лица умерших людей, судьбы которых он переломал, изувечил. Стало реальностью проклятье друга детства Онтон Васyleя, который по вине Оберьяна попал в немецкий тыл, затем по его же доносу десять лет отбывал в холодных якутских концлагерях, а вернувшись в деревню, снова находился под наблюдением энкавэдэшника. Если бы Самсонов просто написал историю преступлений «власть имущего», то им был бы создан привычный вариант злодеяний отрицательного героя. Писатель выводит удмуртскую прозу на качественно иной уровень, исследуя национальную философию жизни и смерти, философию неистребимой веры народа в рок, в невозможность уйти от наказания.

Важной формообразующей силой повести «Рок» является мифологическое мировосприятие. Писатель устанавливает прямую и непосредственную связь сознания своих персонажей, включая и себя, повествователя, с всеобщим родовым сознанием народа, которому свойственно ощущение присутствия в мире высшей моральной силы, упорядочивающей законы вечной справедливости: человеку всегда уготована расплата за грехи. Извечная субстанция реализуется в доле, роке, судьбе.

Один из главных структурных принципов художественного построения повести связан с бинарной оппозицией, которая является основной характеристикой древнего мышления и находит выражение в «основополагающем мифе» [1, с. 215]. Осмысление судьбы реализуется через систему фундаментальных оппозиций: земное/небесное, брeнное/вечное, жизнь/смерть, явь/призрак и др. Состояние природы и внутренние ощущения Оберьяна также построены на поэтике контраста. Природа

в повести Никвлада Самсонова находится в величественном спокойствии, герой же не вписывается во вневременную гармонию вселенской жизни, отвергается всем окружением. Человек, несущий в себе зло, обрывает связи с космосом, ибо окружающий мир перестает освещаться светом, который он излучает. Герой повести «...покойницкой желтизной отливает. Такой же, как гробовые доски...» [3, с. 219].

Предметы, входящие в мир произведения, также рожают определенный ассоциативный ряд, восходящий к архаическим образам. С каждым из образов-знаков, введенных в текст повести, связано множество фольклорных мотивов: с полнолунием — мотив оживления и активных действий всякой нечисти; с воротами, на которых не может утонуть Оберьян, — мотив границы между своим и чужим пространством, между жизнью и смертью; березу можно рассматривать как вариант мифического «древа», посредством которого душа замученного узника Васyleя общается с Оберьяном. Едва ли можно считать явлением случайным то, что писатель, рисуя картины детских лет героя, использовал художественный прием передачи характера юного Оберьяна посредством ассоциации его внутренних движений с повадками волка. Связь манер героя с ухватками волка отражает древнейшие тотемные представления. В старину волк воспринимался удмуртскими крестьянами как опасность: скопление волков в окрестностях деревни предвещало войну, вой волков пророчествовал голод или другую беду, алчность волка представляла большую угрозу для скота и т. д.

Содержание многих эпизодов, частей повести представляет собой различные видения, миражи, галлюцинации, в которые погружено сознание Оберьяна. Он слышит мерзкие звуки и нечеловеческий смех летающей над его домом колдуньи Опасьи, видит непривычные очертания предметов-призраков, улавливает их пугающие шорохи. Пустота бесмертной жизни для Оберьяна становится тяжелее смерти физической.

Мифу свойственна цикличность повествования, кольцевая композиция. В повести «Рок» также присутствует кольцевая композиция, и можно наблюдать некую композицию кольца-круга, по которому происходит движение жизни героя. Время и пространство образуют в повести непрерывный и неразрывный процесс, умереть для героя — значит воссоединиться со своими сверстниками. Отсюда и особое течение времени в повести, которое, кстати, как бы и не движется. «Возвращение» героя заканчивается самоубийством, в финале повести Оберьяну удастся затянуть на шею «умыкнутую от милицейской еще таратайки сырмятную шлею».

Повесть Никвлада Самсонова «Рок» — один из редких для удмуртской литературы примеров самобытного отражения мифологического сознания, предопределяющего возникновение новых отношений между литературой и фольклором.

1. *Золотарев А. М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.

2. *Паранук К. Н.* Жанровые особенности современного адыгского романа об историческом прошлом: мифопоэтический аспект // XXII Пуришевские чтения: История идей в жанровой истории / отв. ред. Е. Н. Черноземова. М., 2010.

3. *Самсонов В. Я.* Мой дом выше твоего : повести, рассказы / пер. с удм. А. Демьянова. Ижевск, 1995.

Н. С. Запорожцева

г. Сарапул

**«Сарапульский Чехов»:
писатель С. Н. Миловский-Елеонский
(к 150-летию со дня рождения)**

Сергей Николаевич Миловский (1861–1911) — незаслуженно забытый пензенский писатель-беллетрист, плодотворно работавший в городе Сарапуле Вятской губернии с 1895 по 1911 г. под псевдонимом Сергей Елеонский. «Бытописатель духовенства» — ярлык, прочно закрепившийся за Миловским благодаря критику Измайлову. Действительно, писатель, выросший в духовной среде, получивший классическое духовное образование и возглавлявший Сарапульское духовное училище, писал о среде, которую отлично знал. Но круг интересов Миловского не ограничивался жизнью духовенства, он был успешным педагогом, любил и знал литературу, театр, состоял в переписке с ведущими писателями века, был активным участником общественной жизни бурно развивающегося уездного города Сарапула.

Священнослужителей задевали нелицеприятные портреты духовных отцов из рассказов Елеонского. Кроме того, они не могли простить